

НАЧАЛО И ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Начало и особенности демографического перехода в Сибири на рубеже XIX–XX вв. / В. А. Зверев // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры : материалы Регион. науч.-практ. конф. (к юбилею проф. Т. Н. Троицкой). Новосибирск : НГПУ, 2005. Т. 3 / под ред. В. А. Зверева. С. 22–26.

Задача настоящей публикации – способствовать закреплению в науке представлений: 1) о демографическом переходе как важной составляющей процесса модернизации российского общества; 2) о начале демографического перехода в Сибири, как и во всей России, в конце XIX – начале XX в.; 3) о внутренней конфликтности демографического перехода уже в его начальной стадии; 4) о негативном влиянии на эволюционный процесс демографического перехода таких политических конфликтов начала XX в., как Русско-японская война, Первая русская революция, Первая мировая война.

В последние полтора десятилетия в отечественной историографии появилось немало трудов, характеризующих различные аспекты истории России нового и новейшего времени с позиций теории модернизации традиционного общества. А. Г. Вишневскому и Б. Н. Миронову удалось плодотворно синтезировать теорию модернизации и концепцию демографического перехода. Демографическая революция (или переход) предстала в их трудах как несомненная и важная составляющая модернизационных процессов в России, начиная, по крайней мере, со второй половины XIX в. [1; 5, т. 1] В ряде исследований теория демографического перехода как таковая, иногда в комплексе с концепцией модернизации традиционного общества, применяется для описания и объяснения народонаселенческих процессов, происходивших на востоке России [2; 6; 7 и др.].

Уже в вышедших наших трудах показано, что во второй половине XIX –

начале XX в. Сибирь – и западная, и восточная ее части, ее города и селения – была втянута в модернизационные преобразования, коснувшиеся в том числе субъективных демографических представлений и демографического поведения здешних жителей, многих объективных характеристик сибирского населения. Наличие таких преобразований доказывает, прежде всего, статистически установленная нами историческая динамика многих важных демографических показателей в Сибири конца XIX – начала XX в.

Мы построили динамические ряды показателей брачности, рождаемости, смертности и естественного прироста, людности семейных ячеек в целом по Сибири, по Западной и Восточной Сибири, отдельно в городах и селениях за довольно длительный период 1890-х гг. – 1914 г. Эти ряды сопоставлялись с уже имеющимися в литературе или нами вычисленными рядами по Европейской России, Русскому Северу, по империи в целом. Построены также календарные (помесячные) ряды основных демографических событий – свадеб, зачатий, рождений, смертей [3].

Для вычисления цифровых параметров в названных динамических рядах использовалась, прежде всего, текущая административно-полицейская статистика населения всех сибирских губерний и областей, опубликованная соответствующими учреждениями Министерства внутренних дел Российской империи, а также губернскими и областными управлениями. Конечно, усыновленные количественные показатели мы сопоставляли с содержательно-качественными характеристиками отдельных демографических явлений, установленными путем анализа нарративных и делопроизводственных источников.

При анализе статистического материала выяснилось, что людность и структура семьи, брачность, рождаемость, смертность населения Сибири, как и России в целом, оставались на рубеже XIX–XX вв. в основном традиционными. Об этом свидетельствуют высокие в целом коэффициенты брачности, смертности, рождаемости, преобладание ранних браков, минимальное количество разводов; малое количество повторных браков, большое число

деторождении у средней брачной пары, очень высокая младенческая и детская смертность, тесная связь годового цикла рождаемости и смертности, народного демографического и церковного календаря (распределения постов) и иные статистически установленные факты. В то же время имелись явные признаки наметившегося демографического перехода. В Сибири они были слабее выражены, чем в Европейской России, особенно в центральных губерниях. В городах Сибири они более определенно выражены, чем в селениях (чем крупнее город, тем определеннее). В Западной Сибири они были более заметными, чем в Восточной.

Если рассматривать демографические показатели в динамике, то обнаруживаются следующие тенденции, подспудно пробивавшие себе путь: уменьшение людности семьи и семейного домохозяйства, упрощение их структуры, выравнивание соотношения количества мужчин и женщин в населении, некоторое сокращение коэффициентов брачности, повышение брачного возраста, увеличение количества повторных браков, сокращение общих коэффициентов смертности, снижение уровня младенческой и детской смертности, рост продолжительности жизни и др. На 1906–1914 гг. в Сибири приходится начало демографического взрыва: в ряде обширных субрегионов фиксируется естественный прирост более 20 человек на 1000 жителей. Однако названные модернизационные процессы в сильной степени закамуфлированы массовым потоком переселенцев 1906–1909 гг. (этот поток, кстати, тоже можно рассматривать как проявление модернизации демографической сферы в России). В относительно молодой и физически активной среде аграрных мигрантов имели место интенсивная брачность, гораздо более высокие рождаемость и естественный прирост (при большой в то же время смертности), редкие семейные разделы, что искажало «нормальную» динамику демографических процессов на местах вселения в Сибири – динамику, характерную для начального этапа демографического перехода.

Модернизация общества и культуры, составной частью которой является демографический переход, в своей основе имеет смену цивилизационных

моделей, изменение системы ценностей и господствующего типа ментальности. Внимательное изучение нарративных источников показывает, что в изучаемую эпоху в среде сибиряков начинались глубокие изменения представлений о любви и браке, семье и детях, о старости и здоровье. Ядро в ментальной революции, применительно к социально-демографической сфере, составлял переход от парадигмы *человек для семьи, для хозяйства* к парадигме *хозяйство, семья для человека* [1, с. 137]. Ментальные сдвиги порождали изменения в демографическом поведении – брачном, сексуальном, детородном, жизнеохранительном, миграционном.

Патриархальная система семейных ценностей в Сибири конца XIX – начала XX в. накапливала в себе кризисные явления. Появляется все больше росточков эгалитарной системы семейных ценностей. Проявлениями новых взглядов и установок становятся: частое стремление ускорить семейный раздел (инициаторами выступали обычно женщины); попытки выйти замуж «по любви»; расширение сферы регулирования деторождения; стремление дать детям (мальчикам в первую очередь) школьное образование и т. д.

По существу, в изучаемую эпоху постепенно складываются признаки конфликта двух систем ценностей – господствующей традиционной (патриархальной) и формирующейся модернизированной (современной). Традиция требовала сохранения единства разраставшегося домохозяйства, многодетность и «многоработность» которого соответствовали и особенностям колонизируемой аграрной окраины страны, но вопреки этому неуклонно растет количество семейных разделов: «возросшие» дети хотят вести хозяйство и жить отдельно от отцов, старших братьев. Неподчинение подростков и молодежи родительской воле и корпоративным общинным установкам (*девиантное, отклоняющееся поведение*) имело в изучаемое время две разновидности: 1) *просоциальное* поведение свидетельствовало о росте самосознания личности, способствовало общественному прогрессу (относительно поздний брак, обособление от родительской семьи, элементы регулирования деторождения и др.); 2) *антисоциальное* поведение – аморальное, делинквентное и криминальное

– ослабляло и разрушало как личность, так и общество (пьянство, хулиганство и т. п.).

Развернувшийся в России и, в частности, в Сибири на рубеже XIX–XX вв. демографический переход с самого начала имел «рванный» характер, будучи некомплексным, непоследовательным вследствие: а) цивилизационной неоднородности сообщества россиян и его склонности к социокультурной инверсии; б) конфликтности, даже катастрофичности социального и политического развития страны. Важным фактором, искажавшим и прерывавшим «нормальное» течение демографического перехода, ухудшавшим качество демографического потенциала страны и ее регионов стали в начале XX столетия Русско-японская война, Первая русская революция, но особенно – Первая мировая война.

Разрабатывая свою периодизацию демографической истории России первой половины XX в., историк В. А. Исупов отметил уже в 1900–1917 гг. чередование этапов относительно стабильного развития, подъемов и кризисов в народонаселенческой подсистеме общества [4, с. 234–236]. В Сибири по всем построенным нами динамическим рядам демографических показанной тоже прослеживается зигзагообразность. На 1904–1905 гг. приходятся сокращения брачности и рождаемости. Массовый поток переселенцев столыпинской волны с их высокими показателями закамуфлировал (и с лихвой компенсировал) потери в брачности, рождаемости сибиряков-старожилов за 1906–1907 гг. Однако смертность в 1906–1909 гг. в Сибири достигает максимальных показателей за весь период конца XIX в. – 1915 г.: соединяются последствия политических потрясений и притока волны мигрантов с большой смертностью в их среде. С 1914 г. в Сибири, как и в целом по стране, начинается серьезный демографический кризис. Иммиграция населения продолжалась, но в гораздо более скромных размерах, чем до войны. Количество браков уже в 1914–1915 гг. сократилось на 25–30 % по сравнению с довоенным временем, несмотря на рост численности населения. Начиная с 1915 г., происходит резкое сокращение рождаемости, фиксируется всплеск смертности.

В Сибири демографический кризис все же слабее, чем в Европейской России, поразил народонаселенческую подсистему общества. Тем не менее, и здесь он в самом начале если не прервал, то деформировал демографический переход, модернизацию соответствующих представлений и поведения сибиряков. Демографический кризис достиг своего апогея в 1917 г. и сохранялся в 1918–1922 гг. – в периоды гражданской войны, иностранной интервенции и послевоенной разрухи, усугубленной затянувшейся в нашем крае политикой «военного коммунизма».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
2. *Зверев В. А.* Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 130–153.
3. *Зверев В. А.* Семейный демографический календарь: годовой цикл свадеб, рождений и смертей в селениях Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 127–145.
4. *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в.: ист.-демогр. очерки. Новосибирск, 2000.
5. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 1999.
6. Население Западной Сибири в XX в. / отв. ред. Н. Я. Гущин, В. А. Исупов. Новосибирск, 1997.
7. *Скубневский В. А., Гончаров Ю. М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2003. Ч. 1.